

Поскольку Ли Жун держался уверенно и не лез за словом в карман, Чжэн Чжупань усадил его по другую руку от Чжай Нин. Приунывшего Фу Хуаня бесцеремонно оттеснили в сторону.

Ли Жун лишь мельком взглянул на певца и сразу понял: перед ним человек упрямый, из тех, кто не успокоится, пока не расшибет лоб о стену. Или, вернее сказать, Фу Хуань еще не успел по-настоящему окунуться в безжалостный мир шоу-бизнеса с его интригами и ярмаркой тщеславия. Он просто обрел некоторую популярность в сети и возомнил, что ничем не хуже признанных звезд.

Бедняга не догадывался, что после этого ужина его путь к большой сцене, скорее всего, будет отрезан. Пусть сейчас президенту Чжэну было не до него, как только трапеза закончится, он непременно распорядится сократить экранное время Фу Хуаня или вовсе вырезать его из эфира.

Впрочем, такие люди необходимы этому миру. Если бы вокруг остались одни лишь изворотливые дельцы да расчетливые интриганы, жизнь превратилась бы в унылое и безрадостное зрелище.

Ли Жун заметил, что Чжай Нин никак не отреагировала на то, что он и Цзян Цзуй сели рядом. Она даже демонстративно отодвинула стул, стараясь сохранять дистанцию, словно опасалась коснуться чего-то нечистого. Юноше это показалось забавным: их притащили сюда силой, чтобы развлекать её, а теперь она нацепила маску оскорбленной добродетели. Похоже, его опасения насчет того, что кто-то будет распускать руки, оказались напрасными.

Стоило Чжэн Чжупаню обозначить свою позицию, как остальные гости, послушные малейшему дуновению ветра, принялись наперебой расхваливать женщину.

— Директор Чжай, управлять такой огромной больницей, должно быть, невероятно тяжкий труд! — воскликнул один из присутствующих. — Господин Чжэн говорил, что вы сегодня провели три операции подряд. Удивительно, что вы вообще нашли время на этот ужин.

— Моя жена рожала в Центральной больнице «Цзяцзя»! — подхватил другой. — Жаль, что тогда мне не довелось познакомиться с вами лично.

— Директор Чжай, вы выглядите потрясающе! Никогда не дашь вам пятьдесят лет, вы так молоды!

— Теперь мы — одна семья. Если вам что-то понадобится, директор Чжай, только скажите!

Ли Жун внимательно следил за ней. У Чжай Нин на виске вздулась жилка, а взгляд стал еще холоднее. Очевидно, она из последних сил сдерживала гнев, не желая устраивать сцену при

всех.

Её явно коробило от слов про «одну семью». Всем было известно, что больнице редко что-то требуется от фармацевтических гигантов, зато у тех полно просьб к врачам. Эта фраза была недвусмысленным намеком: отныне интересы директора неразрывно связаны с компанией «Сухэ».

Чжэн Чжупань и не думал пресекать эти разговоры. Целью этого ужина было затащить Центральную больницу «Цзяцзя» в свою лодку.

— Директор Чжай, «Сухэ» — крупнейшее фармацевтическое предприятие страны, а «Цзяцзя» — одна из лучших больниц города А. Это, — он самодовольно вскинул подбородок и многозначительно взглянул на Ли Жуна и Цзян Цзюя, — называется союзом титанов.

Нахмурившись, он сделал знак юношам:

— Ну же, юные дарования, скорее поднимите бокалы за директора Чжай! Она — настоящий герой для простого народа. Каждый день спасает жизни в операционной, возвращая надежду сотням семей. Вам стоит поучиться у неё этой самоотверженности и безграничному милосердию...

Зажав между пальцами сигарету «Мальборо», Чжэн Чжупань разглагольствовал, пока его помощник подносил зажигалку. Затянувшись, он выпустил густое облако дыма.

Ли Жун мысленно усмехнулся.

«До чего же самонадеян этот человек! Он спланировал заговор против Ли Цинли, но даже не подозревает, как выглядит единственный выживший сын его жертвы»

Цзян Цзуй, не смея ослушаться, с бледным лицом осторожно поднял бокал обеими руками и, запинаясь, пролепетал:

— Директор... Директор Чжай, я предлагаю тост... я пью за ваше здоровье. От лица всех пациентов благодарю вас за вклад в медицину и за то, что вы спасаете жизни.

Эта фраза прозвучала нелепо и невпопад. У него не было права говорить от имени пациентов, как и не было оснований судить о деятельности Чжай Нин.

Фу Хуань, слушая этот лепет, не выдержал и закатил глаза. В словах Чжэн Чжупаня не было ни капли уважения к их профессии; для него они были лишь вещами, домашними питомцами, которыми можно распоряжаться по своему усмотрению. Его рассуждения о добродетели и морали выглядели издевкой. Он не понимал, что прежде чем стать артистами, они остаются людьми, которые также могут оказаться клиентами «Сухэ» или пациентами больницы

«Цзяцзя».

Чжай Нин понимала, что Чжэн Чжупань просто льстит ей, но в её ушах эти слова звучали как злая ирония. Неловкость, вызванная речью Цзян Цзуя, была столь велика, что хотелось провалиться сквозь землю. Директор грубо оттолкнула его бокал:

— Мне не нужны твои тосты!

Она не смела открыто конфликтовать с Чжэн Чжупанем, поэтому выместила всё раздражение на несчастном парне.

Рука Цзянь Цзуя дрогнула, бокал выпал из пальцев и ударился о край стола. Вино мгновенно выплеснулось, заливая одежду юноши. Пытаясь поймать посуду, он лишь неловко смахнул её на пол, где она с жалобным звоном разлетелась на осколки.

Тишина в кабинете стала почти осязаемой. Атмосфера праздника мгновенно улетучилась. Чжай Нин и сама не ожидала, что сорвется так сильно, и, чтобы скрыть смущение, снова набросилась на парня:

— Да что же ты такой неуклюжий! Элементарно бокал в руках удержать не можешь!

Цзян Цзуй едва не плакал, но был вынужден молча глотать обиду.

Ли Жуну всё это начинало надоедать. Он пришел сюда не для того, чтобы наблюдать за этими жалкими подковерными играми. Его интересовало другое: какой именно компромат есть у Чжэн Чжупаня на Чжай Нин? Какую роль она сыграла в той истории? Была ли она соучастницей по принуждению, предоставив больницу для фальсифицированных испытаний, или же Чжэн Чжупань поймал её на чем-то, что произошло уже в стенах госпиталя?

В разгаре этой неловкой сцены Ли Жун на миг вспомнил о Цэнь Сяо.

«Интересно, как он отреагировал на сообщение? Впрочем, зная, что мой телефон сейчас находится в отеле «Семь звёзд», он должен был немного успокоиться. Отель частично принадлежит «Ланьшу», так что Цэнь Сяо не составит труда разузнать, что происходит в этом кабинете»

— Директор Чжай не хочет пить, что ж, тогда отведайте закусок, — Ли Жун говорил с мягкой улыбкой, опустив глаза. — Знаете, я читал о вас в новостях. Вы спасли трехлетнего ребенка в скоростном поезде. Ситуация была критической, но вы, не колеблясь, провели экстренную интубацию подручными средствами. Другие врачи в вагоне побоялись брать на себя такую ответственность, и только вы решились, потому что жизнь человека для вас оказалась важнее карьеры.

Повествуя о давнем событии, он неторопливо протянул палочки к блюду и взял кусочек куриного сердечка с зирой.

— Врачебная этика... Вы действительно достойны этих слов.

Сердечко соскользнуло с кончиков палочек и с негромким шлепком упало прямо в тарелку Чжай Нин. На белоснежном, сияющем фарфоре осталось желтоватое жирное пятно, зерна зиры брызнули в стороны, создавая неопрятный хаос вокруг потемневшего куса мяса.

Ли Жун невинно улыбнулся Чжай Нин, слегка прищурился. Та уставилась на тарелку, чувствуя, как в горле встает ком.

Юноша был невероятно красив — куда красивее того актера, которым она восхищалась. Его глаза казались кристально чистыми и кроткими, но под ярким светом ламп в их глубине вспыхивали искры, колючие и острые, словно иглы. Ей стало почти физически больно от этого взглядом.

После инцидента с Цзянь Цзуюем она не могла позволить себе еще одну вспышку гнева. Чжай Нин понимала: этот красивый артист, скорее всего, просто хочет подольститься к ней, но это воспоминание... Оно было слишком невыносимым.

Зато Чжэн Чжупань остался доволен. Он первым зааплодировал и с восхищением произнес:

— О, так вот как всё было! Оказывается, простой народ знает о директоре Чжай куда больше нашего. Почему же мы раньше не слышали о таком подвиге?

— Действительно, о таких вещах нужно рассказывать повсюду!

— Сразу видно, почему именно госпожа Чжай возглавляет больницу.

— Для того ребенка вы стали ангелом-хранителем!

Фу Хуань нахмурился, глядя на Ли Жун. Тот явно недоумевал, откуда взялся этот человек, ведь среди участников шоу его не было. Ли Жун вел себя в окружении влиятельных особ абсолютно естественно, не выказывая ни тени страха и вступая в разговор именно тогда, когда это было нужно.

Фу Хуань не обладал такими навыками и в глубине души даже восхищался его умением держаться в обществе. Если этот парень метит в звезды, его путь будет легким.

Предсказуемо, внимание Чжэн Чжупаня переключилось на Ли Жун.

— А тебя... тебя как зовут?

Ли Жун на мгновение прикрыл глаза, его улыбка стала чуть менее яркой.

— Меня зовут... Жун Ли.

Чжэн Чжупань задумчиво кивнул, запомнив имя, но не стал уточнять, какими иероглифами оно пишется. На самом деле ему по-прежнему было плевать на этих мальчишек.

Зато Чжай Нин тихо повторила:

— Жун Ли?

Сердце Ли Жуна пропустило удар. Директор Чжай определенно общалась с его отцом. Неужели простая перестановка слогов в имени покажется ей подозрительной?

К счастью, президент Чжэн не дал ей времени на раздумья. Он поднялся с бокалом в руке и, покачиваясь, подошел к женщине. Положив тяжелую ладонь ей на плечо, он проникновенно произнес:

— Директор Чжай, есть прекрасное изречение: «В большинстве случаев люди не меняют свои взгляды под влиянием фактов — напротив, они подбирают факты под свои взгляды». Я знаю, вы сомневаетесь. Но поверьте, с возможностями «Сухэ» фактом станет именно то, что мы представим публике. Вы на стороне истины, и все будут вас поддерживать, верить вам и уважать вас. Ваша жизнь станет лишь лучше, чем сейчас.

Чжэн Чжупань издал хриплый смешок. Тугой ремень врезался в его живот, образуя глубокую складку. Когда он смеялся, всё его тело мелко тряслось, и эта дрожь передавалась через ладонь плечу Чжай Нин, заставляя её слушать это торжествующее признание сквозь омерзительную вибрацию.

— Истины, значит, — с трудом выдавила она подобие улыбки.

— Именно так, — бесстыдно продолжал делец. — Взять хотя бы то происшествие. В глазах общественности истина такова: вы проявили уважение к результатам испытаний и предотвратили попадание на рынок опасного препарата, тем самым спасая жизни и деньги граждан.

Теперь Чжай Нин дрожала сама, и президенту Чжэну не нужно было ей помогать. Это была дрожь отвращения к беспредельному цинизму этого человека.

Чжэн Чжупань кивнул Ли Жуну:

— Давай, ты тоже выпей с директором Чжай.

Он заметил, что к юноше та относится терпимее, возможно, из-за его исключительной внешности.

Но на этот раз Ли Жун его разочаровал. Он не шелохнулся и ровным голосом произнес:

— У меня язва желудка. Мне нельзя пить.

Лицо Чжэн Чжупаня мгновенно потемнело. Ему было плевать на здоровье какой-то мелкой сошки.

— Какая еще язва? Сказал пить — значит пей!

С этими словами он резко протянул свой бокал с шампанским, намереваясь силой влить его в рот юноше.

В это короткое мгновение в голове Ли Жуна вспыхнула яростная, отчаянная мысль.

«Я тренировался под руководством Тан Хэ целый месяц. База есть, навыки восстанавливаются быстро. Мне достаточно лишь протянуть руку, разбить пустой бокал и, зажав в пальцах осколок, в следующую секунду перерезать Чжэн Чжупаню сонную артерию. Я могу заставить этого человека умереть в ужасе на моих глазах. Принести его в жертву родителям»

<http://bllate.org/book/15351/1502925>